

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К ГЕОГРАФИИ

Отметили двадцатилетие нашего знакомства, доделали все летние дела на даче, выкопали картошку, спустили в подпол. Перебрались в Москву, отправили ребенка в школу. Наконец, собрались и в середине сентября сели в поезд, идущий на восток.

Я нервничал, волновался, что в Язуле все изменилось, что я тоже изменился и буду совсем чужим. Что ехать никакого смысла нет. Что нельзя в сотый раз входить в одну и ту же реку и радоваться заново. Что вообще лучше не наведываться, говорят, в те места, где когда-то (в молодости) был счастлив.

Но мы сели в поезд.

Кончилась за окном долгая Москва, потом первая ночь в пути, потом утро, пейзажи в окне, потом, прихлебывая чай, увидели на окраине какого-то города лозунг: «Канаш — наше прошлое, настоящее и будущее!»

Прочитал со снисходительной улыбкой, приготовился уже мягко, незлобиво поиронизировать. Я же столичный житель, по стране путешествую, захотелось над увиденным пошутить. Почти что над собой, что, мол, так и есть, что такие уж мы, что у нас полный канаш по жизни, и в прошлом и в будущем, видимо...

Но как-то неуместно показалось, даже стыдно.

И тут уж понял, что выехал. С трудом, но вырвался из самого большого города страны, такого важного, главного. Как будто единственного, который может быть для нас прошлым, настоящим и будущим. Который удерживает меня, балует, меняет, приучает к себе. Дает ощущение превосходства. Не отпускает дальше, чем на недалекую орбиту в пяти часах езды на машине, на которой находится дача.

Выехали наконец из этой родной моей Москвы.

Купе, между прочим, было полностью в нашем распоряжении, никто не подсеялся. Вот мы и наслаждались нашей свободой, нашими свежими чувствами — с момента юбилея нашего знакомства всего-то полтора месяца прошло.

Двадцать лет назад в это самое время мы наслаждались свободой и свежими чувствами в маленькой таежной избушке на Алтае.

Ну и конечно, мы почувствовали, что находимся уже в Сибири, когда вышли прогуляться на первой станции за Уралом. По крайней мере нам так показалось. Правда, Урал на юге такой размытый — непонятно, где еще Урал, а где уже нет. И точных признаков Сибири в воздухе, в людях, в пейзажах или в чем-то еще мы выделить не сумели. Но все равно почувствовали, как иначе?

Для меня Сибирь значит много — я ее долго открывал и присваивал, — а для Любы это и вовсе родина. Да и встретились мы там. Поэтому мы настойчиво искали ее неясные признаки и убедили друг друга, что почувствовали въезд в Сибирь. Наверное, они, эти признаки отыскивались в нас самих, внутри.

Сибирь вообще понятие неопределенное. Только на севере Урала, наверное, можно встать на каком-нибудь крутом перевале и увидеть по одну сторону Европу, а по другую Сибирь. А в других местах непонятно. Где заканчивается Сибирь и где начинается Дальний Восток? Почему Горный Алтай в Сибири, а Монгольский Алтай нет? Сибиряками можно назвать только некоренное население Сибири, а вот бурят, алтайцев, тувинцев или якутов так не назовешь, да они и сами себя так не называют. Моя Люба — наполовину русская, наполовину бурятка — она сибирячка?

Однако я прожил в поездах этого направления месяца три-четыре своей жизни и всегда чувствовал, что уже въехал в нее или покинул.

Сколько времени я тогда провел, глядя в окно поезда? Сложно сказать. В подобных медитациях время течет как

попало — то быстрее, то медленнее. Сибирские пространства в окошке меня, москвича, заораживают.

Это законное пространство очень велико и мало населено. Невообразимое количество деревьев, перелески, леса. Культивируемые и некультивируемые поля. Трава и кусты, занимающие какую-то страшную по величине площадь. Болота и заболоченные участки. Я знаю, что это все будет тянуться весь сегодняшний и завтрашний день и по ночам невидимо проезжать за окном, а потом мы сойдем с поезда, а он так и продолжит путь по этим нечеловеческим по масштабу землям.

Смотришь, смотришь в окно — и кажется, что никакой тихий ежедневный труд не приручит это пространство, кажется, что здесь возможны только коллективные героические, почти нечеловеческие свершения во имя великой идеи. Что-то вроде подъема целины или освоения Колымы. Порывы, жертвы и подвиги.

Сразу хочется такую великую идею. Неважно, что массовые героические свершения чреваты всякими экологическими и гуманитарными катастрофами, все равно хочется примкнуть и участвовать. Защитная такая реакция нормального человека, глядящего на неоглядные пространства.

Французский историк Андре Берелович утверждал, что русские, ушибленные «огромностью и пустынной» своих пространств, упорядочивали свой мир за счет жесткой иерархичности общества. Только будучи частью ясной системы и иерархии, русские могли чувствовать себя в России уютно.

Может, он тоже по Транссибу ездил в поезде, этот историк, тоже глядел в окошко и пытался разобраться со своими чувствами? Ладно, будем все же надеяться, что обойдемся без массовых жертв, иерархичности и жестких систем, не такие уж мы и слабые.

А вот то, что огромность и бескрайность могут ушибить — это он точно подметил. Стоит справиться с первой реакцией на эту бескрайность, моя ушибленность

пространством начинает напоминать состояние постоянной легкой влюбленности. Мир огромен и прекрасен.

Все это я впервые почувствовал в молодости, глядя из иллюминатора вертолета на просторы Камчатки, а потом таращась в окошки поездов, идущих по Сибири.

Эту восхитительную ушибленность легко ощутить, когда смотришь с высоты крутого яра над Обью в Барнауле, на котором поставлены громадные, несколько голливудские буквы Б А Р Н А У Л, когда перед тобой за рекой открываются лесные просторы до горизонта.

(Да, мы уже добрались до Барнаула, сошли с поезда и гуляем по городу с Володей Токмаковым.)

Стоишь на этой горе над великой сибирской рекой, за тобой центр Барнаула, трубы, подъемные краны, крыши, купола, муравейники современных жилых и офисных зданий, высотки, улицы. А за Обью, которую пересекает новый красивый мост, — сплошной лес до горизонта.

Не знаю, как у Любы, а у меня — сразу предвкушение лежащих впереди, еще не добытых, не завоеванных пространств, у меня сразу виден новый мир.

Сейчас я применю свою силу, ум, изворотливость, талант. Извернусь, пройду первопроходцем, выживу, захвачу, покорю, присвою. Обещание фарта такое (мне нравится это сибирское слово — фарт).

— Смотри на него! Чуть выехал из Москвы и сразу — бодренький такой, смотрит вдаль, даже осанка изменилась, — довольно говорит Люба Володе Токмакову.

Предвкушение нового мира ощущается и в свободной, размашистой планировке Барнаульского университета, мимо которого мы прошли по пути сюда. Наверное, когда-то новые корпуса и широкие солнечные пространства между ними, где может гулять свободный ветер, отражали свежий мир социалистического полета в будущее, ожидание которого теперь угасло. В этом ожидании тоже свой простор, мечта о неизведанном и неоткрытом. О новом таком, общественном фарте.

Теперь коллективное будущее скорее пугает.

А еще при виде всего этого простора и лесных далей во мне просыпается нутряная, смутная память о пути в Беловодье, счастливую страну, находящуюся где-то далеко на востоке. Смутная, но вполне живая, рабочая такая.

В моей семье никто не был никак связан с землями, которые лежат за Уралом. Все предки были из России — из Пензенской, Смоленской, Саратовской губерний. Бабка утверждала, что в Сибири живут одни «тюремщики». Отец, правда, рисовал ее как страну величественных пейзажей и суровых, романтических ландшафтов, по которым могут пройти только «крутые» парни, но сам был там один только раз в туристическом походе с коллегами по институту. Мои предки покоряли Москву, а не Сибирь.

Кочергины из Саратовской губернии, старообрядцы, могли бы, в принципе, отправиться на восток сохранять веру и искать убежища «в горах и вертепах и пропастях земных» в глуши сибирских лесов, но то ли земли в Камышинском уезде были слишком плодородными, чтобы их так запросто оставить (жили они довольно зажиточно, не голодали и впоследствии были раскулачены), то ли вера не так сильно мешала жизни, но единственный предок, достоверно ушедший на поиски страны с более кисельными берегами и более молочными реками, отправился в 1905 году не в Беловодье, а в Северо-Американские Соединенные Штаты, где бесследно исчез.

А я вот не устоял перед силой этой тяги к заповедному Беловодью и отправился из Москвы на восток — сначала на Камчатку, потом на Байкал в Баргузинский заповедник, а потом последовал (сам не зная того) прямо по маршруту, указанному в одном из списков «Путешественника» — рукописного документа, имевшего широкое хождение в среде староверов в XIX веке. «Ход от Москвы на Казань, на Екатеринбург, на Тюмень, на камский Кабарнаул, на небесной верх, по реке Котуне...»

Теперь мы с Любой следуем этой дорогой чтобы добраться до Язулы. Скоро проедем Бийск, Горно-Алтайск и начнем подыматься на «небесной верх» по Катунь. А сегодня гуляем по Барнаулу.

Пока Володя, писатель и журналист, проводит для нас экскурсию по городу, мы успеваем остановиться, познакомиться и поговорить на разные темы с десятком человек. Молодые творческие личности, свежий розовощекий помощник главы города, мама с близняшками, которая рассказывает нам о том, как водит своих девочек на иппотерапию. Кажется, что ходишь по знакомому городу, населенному знакомыми людьми. Кажется, что ты свой. Ощущение, недоступное в родной столице.

Володя заводит нас к себе на работу, открывает большую комнату, заваленную книгами. Это созданный им приют для бездомных, брошенных владельцами книг. Володя находит их на улицах, свалках, в подъездах и берет к себе на передержку, пока не найдет для них новых хозяев. Берет породистых — от знаменитых авторов или из серии «Библиотека приключений», «ЖЗЛ», «Библиотека всемирной литературы» — и совсем беспородных. Красавцев в дорогих переплетах и бедолаг, родившихся на плохой бумаге в мягкой обложке в голодные девяностые. Новеньких и потрепанных. Жалеет и подбирает на улицах даже глупых, беспомощных созданий, выведенных на потеху домохозяйкам и пассажирам поездов.

С трудом пробираясь между стопками, связками, он берет на руки то одну, то другую книжку, открывает, листает, любит обложку, рассказывает коротенькие истории о них. Пытается пристроить и нам хотя бы парочку бездомных. Но у нас и так переполнены рюкзаки, нам предстоит еще долгая дорога, и мы покидаем приют с ощущением вины.

На следующий день мы пересекаем на автобусе новый красивый мост, любимся издали голливудскими

барнаульскими буквами и едем до Бийска, когда-то уже исхоженного вдоль и поперек. Пересадка на автобус до Горно-Алтайска. И вот, еще не доезжая шукшинских Сростков, мы видим, как земля в окошке автобуса из плоской понемногу становится рельефной.

Ночуем мы и вовсе на склоне горы, куда взбираются крутые улочки Горно-Алтайска.

Наша хозяйка Люба Кергилова уже на скорую руку накормила нас с дороги супом, вареным мясом, пловом, консервированными овощами собственного приготовления, лепешками, и теперь ее муж Мерген готовит на дворе шашлыки для основательного застолья. А моя Люба поднялась на второй этаж для более тесного знакомства с малолетней командой — Кайралом, Каримом и Кюнелькой.

— Пацаны вообще не любят ездить в Язулу, — рассказывает их мама. — А Кюнелька только и мечтает. Вырасту — туда, говорит, поеду жить. Папе летом на покосе помогала, на его Сером все копы свозила.

Люба Кергилова родом из Язулы, старшая дочь моего друга Альберта Кайчина. Окончила филологический факультет Горно-Алтайского университета, в нем же осталась работать. Ее муж Мерген служит судебным приставом.

Выхожу к Мергену покурить, оглядываюсь. Завидую их городской и в то же время уютной деревенской жизни — снизу доносится гул машин, мигают огни рекламы, а здесь передо мной огород, у парника лежит громадная тыква, каких мы на нашей даче в жизни не выращивали. Вдоль огорода тянутся сараи, баня. Из земли торчит шланг с вентиляем — водопровод. Открывающийся городской пейзаж мне нравится — взгляду есть где разбежаться, дома не заслоняют простор. По горизонту — горы.

Это мое частое состояние в Сибири — все время кому-нибудь завидую.

Поселился бы здесь навсегда, завел бы такой же огород возле дома, по утрам отводил ребятишек в школу — десять минут пешком, шел на работу в университет (еще

пять минут ходьбы) или в суд. И не завидовал бы. Но не селюсь, не завожу у дома огород. Завидовать легче.

А что начнется, когда до Язулы доедем — просторы, теплый запах скотины, свежая убойна, аромат тайги. Вообще изведусь. Отчего же тогда уехал в 97-м году с Алтая в свою Москву? И лошадь была, и корова с телкой и бычком, огород опять же. Тайга под боком.

— Мерген, а дом вы покупали или сами строили?

— Сами с отцом строили.

Дом снаружи выглядит небольшим, а внутри кажется просторным. Снова приступ зависти. Сами строили свой городской дом, да к тому же с отцом вместе.

Вечером мы сидим во дворе на диване, за столом, едим ароматные шашлыки, смотрим, как на город внизу опускается вечер. Люба Кергилова сообщает свежие деревенские новости, готовит нас потихоньку к Язуле. Тот-то умер, тот-то теперь в Улагане живет, в районном поселке, та родила троих детей, этот на пастушьей стоянке работает.

Вспоминаем наши давние встречи, когда она еще жила с родителями и училась в язулинской школе.

— От вас, дядя Илья, всегда все самое новое и хорошее в Язулу попадало. Я помню, как вы привозили сникерсы там, всякое такое...

Моя Люба смеется:

— Нет чтобы доброе что привезти — он сникерсы привозил.

В шесть утра, потемну, за нами заезжает маршрутное такси — японский праворульный минивэн. Мы грузимся и еще кружим в темноте по городу, по адресам, собираем других пассажиров, а потом снова выезжаем на Чуйский тракт, идущий от Новосибирска через Бийск до границы с Монголией — одну из десяти самых красивых дорог мира.

Интересно, что появление бурханизма среди северных алтайцев в начале XX века своего рода духовная революция — резкий отказ от шаманизма, от приношений скота

в жертву духам, рост национального самосознания — исследователи связывают именно с тем, что старообрядцы оседали на пути в свое Беловодье в красивых и плодородных долинах Алтая, насильно захватывали и распахивали земли, принадлежащие «инородцам», а начальство глядело на это сквозь пальцы. Путь в страну блаженных полон искушений, так что неудивительно, что Чуйский тракт по красоте наверху мировых рейтингов.

Когда рассветает, я вижу перемены, которые опять заставляют меня встревожиться: как там в Язуле? Неужели тоже все переменялось?

Сколько раз зимой и летом я трясся в рейсовых ПАЗиках одиннадцать часов до Улагана, разглядывая окрестные поселки и пейзажи! Для меня, москвича, даже уже прожившего здесь некоторое время, это было необычное, загадочное, новое пространство. Казалось, что жизнь тут идет по другим законам и обычаям, что время тоже движется по-своему.

Другие линии горизонта, другие цвета, другие звуки, другая логика, другие понятия.

Хотелось присвоить это пространство, разгадать, узнать, стать здесь хоть чуть-чуть своим. Хотелось учить язык, на котором говорят названия местных рек и гор. Взглянуть на себя и на окружающий мир, на привычные вещи с несколько другой точки зрения и удивиться чему-то новому.

Теперь древний торговый тракт, разрезающий республику почти пополам, превратился в путепровод для доставки на Горный Алтай туристов. А обочь дороги выросли турбазы, гостевые домики и сувенирные магазины. И совсем не обязательно узнавать что-то новое, чтобы успешно существовать и ориентироваться в этих пространствах. Это ничем не труднее, чем совершить пересадку в международном аэропорту во Франкфурте.

Люба, обычно жадно смотрящая в окошко, задремала у меня на плече до самой Туекты, где мы быстро, дешево и вкусно перекусываем в придорожном кафе.

«За Туехтой начинают встречаться древние курганы, местному бугры, остатки прежних жилищ, каменные бабы. Все эти памятники, попадающиеся то здесь, то там вплоть до монгольской границы, свидетельствуют о когда-то живших здесь и ушедших отсюда иных насельниках, седая память о которых сохранилась лишь в местных былинах», — писал инженер Вячеслав Шишков, автор «Угрюм-реки», в 1914–1916 годах проводивший изыскательские работы по расширению Чуйского тракта, где на узкой тропе в горах иногда не могли разъехаться две повозки.

И сегодня вдоль этого пути на скалах можно увидеть древние петроглифы, то справа, то слева лежат каменные курганы с плоской верхушкой, стоят каменные бабы — кезер таш, вытесанные из камня фигуры древних богатырей. Сто лет назад Шишков с укором «сибирскому обществу» отмечал, что «на их каменных носах упражняются в метании камней проходящие возчики груза». Сейчас каменных витязей не обижают, туристы фотографируются с ними, даже оставляют им скромные подношения — монетки и конфеты. Однако ветер носит по долинам полиэтиленовые пакеты, на обочинах валяются пластиковые бутылки, на склонах блестит битое стекло. Это укор уже не только сибирскому обществу. В Рязанской области, где у нас дача, обочины ничуть не чище, даже, пожалуй, более замусорены.

За Купчегемем, возле скалы Кор-кечу древние курганы соседствует с еще видными на земле рвами — следами «командировки» 7-го отделения Сиблага. Узкий неудобный, «многогрешный и многострадальный» по словам Шишкова, Чуйский тракт был превращен в автомобильную трассу в 1932–1933 годах силами политзаключенных, которые жили (и умирали) во временных лагерях — «командировках», организованных через каждые 15–20 километров вдоль тракта. Основную массу заключенных составляли сибирские раскулаченные крестьяне, но было

и много москвичей. Где-то возле Мыюты находилась женская «командировка».

Трасса получилась красивая — на перевал Чике-Таман поднимается изящный серпантин, иногда шоссе вьется вдоль Катуня по прорубленному в бомах уступу. Трудно представить, что все эти скальные работы велись вручную голодными людьми.

Я тоже закрыл глаза и в полусне выхватываю обрывки смысла из рассказа водителя Миши, который делится впечатлениями о Дальнем Востоке. Речь идет о его работе на морском корабле — рейсы с Сахалина на Курилы, Камчатку...

Сейчас многие с Горного Алтая ездят на заработки на Дальний Восток. Из Язулы несколько ребят ездили, в этом году младший брат Любы Кергиловой, Байрам, отработал несколько месяцев на рыбзаводе — тоже, наверное, открывал новые для себя, неизведанные пространства, океанское побережье. Некоторые перебираются на постоянку вместе с семьями — говорят, там хорошо платят учителям, врачам.

Мало что из Мишиной речи понимаю — разговор ведется на алтайском, — но пассажиры меняются, Миша начинает снова, а я снова вслушиваюсь.

Чем дальше мы едем по Чуйскому тракту, чем дальше говорит по-алтайски Миша, тем более привычными и загадочными становятся пейзажи. Теми, какими они были для меня двадцать пять лет назад. Все меньше турбаз, торговых точек для туристов. А после Акташа, когда мы сворачиваем с тракта в сторону и взбираемся вдоль ручья вверх, я вовсе оказываюсь на своем Алтае. Где горы видятся заснувшими богатырями, у которых легко различить голову — баш, поросший лесом хребет — арка, плечо — ийин, подол шубы — эдек. Здесь вершинки по-прежнему водят хороходы и играют в свои семирадостные игры. Здесь хочется заглянуть за каждую маленькую горную седловинку,

потому что интересно, потому что там наверняка скрывается что-то хорошее.

В проигрывателе, безостановочно работающем всю дорогу, вдруг начинает звучать песня «Эркелей» из девяностых, и я окончательно оказываюсь там, куда и ехал.

*Соок кышкыда сени мен тьылыйткам,
Ачу ыйлап, адынды адагам...*

Коротенький перекур на перевале, и мы подъезжаем к Улагану.

Миша начинает свой рассказ заново, но теперь уже по-русски для нас. Потом мы немного обсуждаем общих старых знакомых, потом он высаживает нас в нужном месте. Мы проехали тот путь, что раньше требовал одиннадцати утомительных часов в рейсовом автобусе, всего за шесть.

Рустам уже ждет нас вместе с Алешей Темдековым, учителем рисования в язулинской школе. Рустам — еще один брат Любы Кергиловой. Он приехал за нами из Язулы на своем УАЗике.

Но для начала нас заводят в ближайший дом, незнакомая женщина кормит нас пельменями и поит чаем. В соседней комнате тоненько кряхтит младенец. Мы едим и пьем, благодарим и садимся в машину.

— Это была Алешина теща, — сообщает мне Люба. Она гораздо быстрее меня разбирается в семейных отношениях, лучше запоминает имена и людей, — я, наверное, слишком отвлекаюсь на пейзажи, воспоминания и попутные соображения.

— У меня дочка родилась, — сообщает нам Алеша. — Две недели назад.

— Как назвали?

— Назвали Амелия.

Мы едем над рекой Башкауз, и я вижу, как расстроился Улаган, — на той стороне вырос целый район.

Улаган — центр большого района на востоке республики Горный Алтай. Находится на высокогорном плато. В 16 километрах от поселка, в урочище Пазырык расположены курганы, раскопанные в 1949 году профессором Руденко. В захоронениях знати V–IV веков до нашей эры были обнаружены мумии вождей, прекрасно сохранившиеся колесница и самый древний в мире ковер, находящиеся теперь в Эрмитаже.

Еще в одном погребении пазырыкской культуры (недолго просуществовавшей, но самой яркой культуры эпохи раннего железа), раскопанном в 1993 году археологами из Новосибирска на плато Укок, была найдена знаменитая «принцесса Алтая», с которой связано много слухов и скандалов. История раздувалась в прессе и по телевидению на центральных каналах, правда и домыслы причудливым образом перемешивались. Природные катаклизмы, произошедшие на Алтае за последние два десятка лет, неторопливая молва и быстрые журналисты часто связывают с тем, что ученые потревожили дух покойной, вынули из могилы и увезли защитницу Алтая.

Немногие по-настоящему верят в то, что из кургана извлекли героиню эпоса Очы-бала или Белую Госпожу Ак-Кадын. Но время, когда на плато Укок был раскопан могильник Ак-Алаха, совпало с крахом Советского Союза, распадом колхозов и совхозов.

Жизнь людей резко изменилась и еще не успела наладиться. Вполне сказочные, но ставшие привычными советские способы ведения народного хозяйства и выполнения плана умерли. Например, заброска вертолетами сена в высокогорную тундру для подкормки сарлыков (домашних яков), которая делала этих сарлыков «золотыми» по себестоимости, прекратилась, а значит и поголовье резко сократилось. А как жить дальше — было пока не ясно.

Создалась ситуация какой-то глухой неясной обиды, а тут еще приезжие тревожат сон предков. Потом объявляют, что принцесса — европеоид. Потом какой-то западный

профессор по телевизору говорит, что останки все-таки принадлежат человеку монголоидной расы. И то и другое подогревает недовольство.

Да и кадры из фильма, где видно, как археологи в полевых условиях поливают вмерзшие в лед останки кирпичком, способны шокировать любого. Не лучше ли было перевезти мумию в деревянном саркофаге в Новосибирск и разморозить в лабораторных условиях?

Одним словом, тема принцессы Укока так и остается довольно болезненной как для местного населения, так и для археологов, которым теперь периодически пытаются помешать вести дальнейшие раскопки.

От Улагана по автомобильной дороге можно спуститься в долину реки Чулышман и добраться к южной оконечности Телецкого озера. А нам нужно проехать сто километров в другом, в восточном направлении и очутиться в поселке Язула, своего рода тупике, куда не так уж часто забираются туристы.

Через час минуем Саратан, где Рустам захватывает в Язулу посылку кому-то и пару ящичков гвоздей для строительства снегозащитных ограждений. Здесь заканчивается сотовая связь.

От Саратана до Язулы дорогу пробили в 1991 году, до этого существовала только конная тропа, и дважды в неделю летал вертолет. В начале девяностых пассажирские вертолетные рейсы отменили и добираться приходилось попутным транспортом — в тракторной телеге или кузове грузовика. Шестьдесят километров дороги от Саратана до Язулы занимали тогда целый день с перекусами на пастушьих стоянках и дружескими возлияниями на перевалах.

Теперь дорога хорошая, и мы преодолеваем это расстояние всего за три часа.

Пространство то открывается, и тогда видны уходящие вдаль долинки, склоны, далекие вершины, то сужается до дороги, идущей через лес.

Возле мостика через ручеек останавливается единственная от Саратана встречная машина, такой же узик. Мы умываемся, зачерпывая ладонями воду. Рустам с Алешей остаются поболтать с водителем, а мы с Любой уходим пешком дальше. Шагаем еще все такие городские, Люба даже не успела переобуться и идет на каблуках по светлой грунтовой дороге через яркую осеннюю тайгу. Перепархивают и кричат кедровки. Печет солнце. Воздух по-осеннему прозрачный, цвет неба густой. Лиственницы, кусты карликовой березки, трава уже желтые. Горы четкие такие, праздничные, в макияже. Мир велик и прекрасен.

— А ты боялся ехать! — говорит Люба.

Успеваем пройти не меньше километра, когда нас подбирает машина Рустама. А вскоре дорога резко уходит серпантином вниз, в долину Чульшмана, и внизу, на той стороне уже видны рассыпавшиеся по склону домики Язулы.

Километрах в пяти за ней начинается заповедник. А еще дальше в полусотне километров — хребет, отделяющий Алтай от Тувы, Западную Сибирь от Восточной.

Алтайский заповедник был образован в 1932 году. Он пережил два закрытия — в 1951 и 1961 году, утратил часть территории за Абаканским хребтом (в 30-е годы туда планировал устроиться лесником Карп Лыков, отец знаменитой отшельницы Агафьи Лыковой), однако остается одним из крупнейших заповедников России.

В заповеднике запрещены всякая хозяйственная деятельность, охота, рыбалка, сбор грибов и трав. Его территория за исключением поселка Яйлю и водопада Корбу недоступна для посещения. Природу здесь старались сохранить в неприкосновенном виде и в ту недавнюю эпоху, когда она считалась врагом человека, стараются и сейчас, когда она является восполнимым ресурсом.

Но даже охрана границ и запрет хозяйственной деятельности в наше время не могут гарантировать чистоту местных рек и почвы. Бассейны Чульчи, Кыги и Кайры

давно находятся в зоне падения отделяющихся частей ракетносителей «Протон-М», запускаемых с космодрома Байконур. В тайге часто приходилось видеть участки, обильно замусоренные из космоса. До недавнего времени в заповеднике можно было встретить и неразорвавшиеся огромные «бочки» — топливные баки для ракетного топлива гептила, который является сильным ядом.

Несколько лет назад явно видимый мусор был собран, свежие «бочки» распиливаются и вывозятся вертолетами, что, однако, не препятствует загрязнению земли и воды ядовитым топливом.

Охотятся в заповеднике местные жители, заходят браконьеры с территории Тувы, переваливая через хребет. В южной части, в районах высокогорной тундры, заезжают и на машинах. Без мощной государственной поддержки охрана территории держится практически на подвижничестве работников заповедника, совершающих трудные многодневные выходы в тайгу.

Сильно вырос за последние годы и туристический пресинг. Горный Алтай посещают больше миллиона туристов в год. Знаменитое Телецкое озеро является одной из главных достопримечательностей Горного Алтая, а между тем весь его восточный берег относится к территории заповедника.

Неконтролируемый приток туристов уже сказался на чистоте вод Байкала, главного на планете хранилища пресной воды. Самодельные базы отдыха и отдыхающие за последние годы нанесли озеру урон не меньший, чем печально знаменитый Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат и действия гидроэнергетиков. Стремительное распространение нитчатой водоросли спирогиры, которая губит экосистему «славного моря», по словам экологов связано с загрязнением воды канализационными стоками турбаз, моющими средствами и бытовыми отходами туристов, иначе говоря, является результатом превращения Байкала в туристический бренд без создания правильной инфраструктуры.

А Телецкое озеро во много раз меньше Байкала.

В 1998 году заповедник объявлен объектом Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Однако его лучшие времена все же остаются в прошлом, в 70-80-х годах, когда главную усадьбу и кордоны оснастили дизельными электрогенераторами, построили новые дома, вертолеты забрасывали в тайгу патрульные группы и регулярно залетали на отдаленные кордоны иногда только лишь для того, чтобы скинуть лесникам выписываемые газеты или журналы. Активно велась научная работа.

Жизнь на кордонах или в центральной усадьбе перестала быть чем-то экстремальным, требующим самоотречения, и сюда потянулись работать романтики из городов.

В восьмидесятых практически ежедневно в контору заповедника приходили письма со всех уголков Советского Союза с вопросами о возможности устроиться на работу. Приток молодых ребят, жаждущих сибирской экзотики, жизни на природе и таежных походов, был необычайно велик. Большинство уезжало в первые месяцы, девять из десяти — после года работы, но некоторые оставались навсегда, а штат заповедника всегда был забит под завязку.

Были и серьезные молодые люди, закончившие лесотехническую академию, биофак МГУ или охотоведческий факультет Иркутского сельхозинститута, которые приезжали более осознанно, готовились посвятить свою жизнь заповедному делу. Однако впечатлял именно поток романтиков, ищущих и пока не нашедших свое предназначение.

Еще в начале 90-х последние дети Советского Союза, свежие и недоученные, начитавшись Кастанеды и Блаватской поверх Джека Лондона, Арсеньева и Куваева, наслушавшись «Пинк Флойд» и бормоча Визбора, надевали рюкзаки и ехали искать свои Беловодье, Шамбалу или Территорию. Приехав в заповедник в 1990 году, я в первые же дни познакомился с ребятами из различных городов и поселков Европейской России, Сибири, Украины, Молдавии, Казахстана, Белоруссии.

Кто-то готовился овладевать шаманскими знаниями, кто-то стригся налысо и отправлялся в тайгу босиком, кто-то читал наизусть и писал стихи, кто-то отрабатывал приемы шаолиньских монахов и обливался холодной водой, кто-то собирался пробраться в монгольские буддийские монастыри.

Может показаться, что этот прилив молодых маргиналов был пеной, которая потихоньку схлынула, вернее превратилась в совсем тоненький ручеек к концу девяностых и не оставила следа. Но, во-первых, некоторые из них нашли то место для жизни и то занятие, которые им по душе и до сих пор работают в заповеднике. А во-вторых, настоящий контакт с дикой природой, который состоялся в молодости, не может пройти бесследно для горожанина.

Современный мир, который человечество соорудило для себя («одомашненный мир», по удачному определению профессора Джедедаи Пёрди, автора книги «После природы. Политика для эпохи антропоцена»), враждебен дикой природе, хотя на эту дикую природу всегда ссылаются как на то, что следует охранять и беречь. Отношения между современным человеком и дикой природой практически умерли, природа существует «где-то там», а специалисты ее охраняют, изучают и каталогизируют. Эту природу современному городскому жителю невозможно по-настоящему «потрогать», вступить в контакт с диким животным, ощутить на себе его взгляд, который когда-то, как предположил английский писатель Джон Берджер, дал возможность человеку ощутить себя человеком.

Дикие животные ушли, их заменили изображения диких животных. «Чем меньше остается животных, тем чаще их изображают... Таков наиболее существенный признак осознания природы в эпоху постмодерна», — говорит немецкий писатель и журналист Александр Пшера в книге «Интернет животных».

Об этом способе восприятия природы почти двести лет назад писал Тютчев: «Не то, что мните вы, природа: не

слепок, не бездушный лик...». Однако сейчас этот слепок стал общераспространенным.

Трудно с уважением относиться к тому, что не занимает никакого места в твоей жизни, трудно беречь то, с чем ты никогда не сталкивался. Но тем ребятам, которые работали лесниками хотя бы год, удалось по-настоящему вступить в контакт с этой дикой природой — померзнуть у таежных костров, протоптать свою лыжню в безлюдных пространствах, встретиться в природе со зверем — маралом, медведем, сибирским козерогом.

Эти встречи с теми, кто независимо от тебя и одновременно с тобой живет в этом мире, делают и тебя более «чутким обитателем своего внутреннего леса», по словам поэта Жюль Сюпервьеля.

И возможно, тот обмелевший поток романтиков — только первый, еще не самый осознанный и не самый массовый. Может быть, в будущем мы увидим и вполне прочувствуем даже из своих крупных городов новые волны уезжающих на природу молодых людей.

Ну и в-третьих, просто хочется сказать что-то хорошее в защиту маргиналов, которые пытались выбрать путь, чуть отличный от общепринятого покорения крупных городов, овладения прибыльной профессией и приобретения квадратных метров жилплощади в престижных районах.

Вот что говорит Википедия: «Маргинал, маргинальный человек, маргинальный элемент (от лат. *margo* — край) — человек, находящийся на границе различных социальных групп, систем, культур и испытывающий влияние их противоречащих друг другу норм, ценностей и т. д. В современном русском языке это слово ошибочно употребляется как синоним понятия люмпен (деклассированный элемент)».

Маргиналы — это те возможные связи с миром и те возможности, те непроторенные тропинки, которые могут пригодиться, если выбранная обществом дорога окажется ошибочной, если придется резко менять маршрут или если устоявшийся способ жизни больше не будет работать.

И неудивительно, что те ребята 80–90-х годов выбрали именно Сибирь для поисков самих себя. Она занимает около 70% территории России, а проживает в ней меньше 20% населения. Огромная и малонаселенная Сибирь, которая пока используется практически только как ресурс, — это территория, не освоенная до конца в культурном плане. Здесь возможны находки новых смыслов, новых идей и новых возможностей. Сибирь — это всегда немного то, что скрывается за перевалом...

Мы плохо чувствуем огромное тело своей страны, словно подростки, не свыкшиеся еще со своими вымахавшими конечностями. Тело работает, иногда устает, истощается, требует отдыха или болит. Но оно для нас только ресурс, мы пугаемся и злимся, когда оно подводит нас.

Я думал, что люблю свою страну, но, пока не попал работать в заповедник, не знал, что на Горном Алтае проживают алтайцы и говорят на алтайском языке. Я не знал, что такое Шория и Хакасия, считал, что Тува — это город то ли у нас, то ли за границей. И если бы весь Горный Алтай вместе с соседними Тувой и Хакасией вдруг исчез с карты мира, я бы ничего не почувствовал. Не заметил бы просто.

Когда я, ушибленный пространством, немного ошалевший от того, как быстро меняется привычный мир (до развала Союза оставался всего год), как стираются и создаются новые границы и смыслы, прибыл сначала на север Камчатки, потом в Баргузинский заповедник, а потом в Алтайский, я открывал для себя и свою страну, и свое тело. От езды в седле начинали мучительно болеть какие-то неведомые мышцы под коленками, от лямок рюкзака немели плечи, ладони покрывались волдырями от работы с топором, непривычные пальцы с трудом додаивали корову. Ходьба на широких охотничьих лыжах, махание литовкой на покосе.

Пришлось осваивать и неведомые мне умения. Работа шилом и крючком чтобы сшить себе обутки для лыж

или починить седло, выделка кож, выпечка хлеба, а в тайге — лепешек, разделка животных, тесание жердей, сметывание стогов, отбивание косы, лечение лошадей, ловля лошадей, перекладка печи, доение коровы и выкармливание телят. Самым экзотическим делом, которое мне пришлось освоить, явилось измельчение поджаренных зерен ячменя с помощью каменной зернотерки. Суровые 90-е, которые называют голодными или «лихими», на заповедничком кордоне казались мне спокойными, интересными и счастливыми.

Заповедник за короткое время моей работы в нем очень много мне дал. А потом к заповедному берегу Телецкого озера подчалил катер, с которого спустилась на берег Люба, студентка Новосибирского университета, открывающая свои новые пространства. И за это я тоже благодарен заповеднику.

Первый кордон, на который я устроился, находился в восьми километрах от алтайской деревни Язула. На одной из язулинских пастушьих стоянок я тогда и познакомился с Альбертом Кайчиным. Наша дружба продолжается уже двадцать семь лет. Много раз я приезжал к нему с кордона Чодро, на котором потом работал, и из Москвы. В Чодро он тоже гостил у меня, а вот в Москве ни разу не был.

Услышав остановившуюся у дома машину, он выходит нас встречать. Рядом его жена Валя, сын Байрам.

— Альберт, Валя! — кричит Люба.

А мы с Альбертом вроде ничего и не говорим, просто смеемся. Обнимаем друг друга и снова смеемся.

И вот мы сидим в аиле, который, кажется, совсем не изменился, как не изменился за четверть века и его дом — разве что по мелочам. А в главном — нет, не изменился, здесь уютно и спокойно, здесь хорошо себя чувствуешь, здесь живет счастливая семья.

Полезно иногда пожить несколько дней в большой счастливой семье. Ни с чем не сравнимое ощущение.